

Чжун Кайфань впервые услышал, как А Юань рассказывает ему о таком. В обычные дни он не решался легко касаться душевных ран А Юаня, но теперь, видя, что тот решил быть с ним откровенным, Кайфань мягко сказал:

— А Юань, всё уже позади. Я буду с тобой, и ты тоже должен научиться смотреть вперёд, понимаешь?

А Юань беспорядочно вытирал слёзы, чувствуя, как все раны, казалось, были успокоены Кайфанем, и больше не болели.

Атмосфера немного смягчилась, и А Юань, шмыгнув носом, с недовольством сказал:

— Я ещё тебя не спросил, зачем ты со мной спал?!

Их первый раз произошёл на втором курсе. Если бы не инициатива Кайфана...

А Юань размышлял, что, возможно, он бы и не влюбился так сильно в Кайфана, и не остался бы с ним все эти годы, не сумев оправиться.

Чжун Кайфань тихо рассмеялся, целуя его брови и глаза, в его взгляде была доля игривости, словно у ласковой старой лисы:

— Если бы я не спал с тобой, ты бы, наверное, убежал?

— Ты просто подлец!

Оба одновременно рассмеялись, и атмосфера стала совсем лёгкой.

Кайфань, продолжая смеяться, через мгновение коснулся его шеи и сказал:

— В чём я подлец? Все эти годы только ты один, я даже не успеваю тебя баловать, а ты ещё и ругаешь меня. У тебя вообще есть совесть?

А Юань прижался к шее Кайфана и молчал.

Он прекрасно знал, как Кайфань о нём заботился, продумывая каждую мелочь. Хотя Кайфань и был вспыльчивым, но к нему он относился с искренностью, без капли фальши. Возможно, именно из-за такой заботы А Юань после происшествия с Чжун Цанем не мог смотреть Кайфаню в глаза, зная, что тот непременно возьмёт на себя всю ответственность.

Но А Юань не мог позволить себе такое. Он не мог так сильно быть в долгу перед Кайфанем, иначе он никогда не смог бы это компенсировать и навсегда остался бы должником.

Не говоря уже о смешном достоинстве, он бы просто перестал быть человеком.

Он размышлял о том, как пройдёт утверждение его фильма после Нового года и каким будет отклик зрителей после выхода. Во время съёмок он вложил всю свою сосредоточенность и искренность, надеясь достичь своего максимума, чтобы хотя бы принести Кайфаню какую-то прибыль.

Хотя этот мир был полон странностей, и после вступления в индустрию он пережил множество испытаний, А Юань не жалел.

Если бы он не попал в шоу-бизнес, он не смог бы оплачивать дорогое лечение матери и не

получил бы возможности отплатить за доброту Кайфана.

Даже если бы он тогда изо всех сил держался за отношения, с учётом того, что Кайфань полностью порвал с семьёй, они бы всё равно не смогли быть вместе, и даже последняя капля любви была бы уничтожена.

Решаясь на разрыв, А Юань думал, что лучше остановиться в момент, когда любовь ещё сильна, чем позволить ей полностью сгореть.

Роза, увядая, всё же лучше, чем роза, превратившаяся в пепел.

Со временем Кайфань смирится, время залечит многие раны, и он встретит того, кто действительно ему подходит. В будущем, вспоминая прошлое, он лишь посмеётся над своей юношеской глупостью. Все те глупости, которые он совершил, не оставят следа в жизни Кайфана.

Но А Юань забыл одну вещь: Кайфань был ещё более упрямым, чем он сам. Если он полюбил, то уже не было пути назад.

Иначе Кайфань не стал бы так отчаянно за ним гоняться.

Хотя Кайфань был не слишком разговорчив, в его душе скрывалась романтика, и, будучи человеком образованным, он прятал всю свою нежность в словах. А Юань получал от него множество писем, обычно коротких, всего несколько фраз, но они заставляли его хотеть сбежать с Кайфанем.

Позже Чжун Цань нашёл письма, которые А Юань бережно хранил, и, не открывая их, с хитрой улыбкой сказал своему брату:

— Чжун Кайфань, это что? Это называется карма. Кто это отвергал столько любовных писем?

Тогда А Юань узнал, что Кайфань ещё со школьных лет вызывал у девушек бурю чувств, и остановить это было невозможно.

Чжун Кайфань с раздражением забрал письма и бросил:

— Тебе какое дело? Мне так нравится.

Чжун Цань дёрнулся, но не нашёл, что ответить.

В те времена они были ещё молоды, им только перевалило за двадцать. Кайфань всегда был зрелым не по годам, и его характер уже тогда был сформирован, он избаловал А Юаня до невозможности, исполняя все его желания.

Чжун Цань даже начал ревновать, говоря, что Линь Юань захватил его брата.

Они бегали друг за другом по комнате, А Юань прыгал на диван, корча рожицы, доводя Чжун Цаня до бешенства.

Чжун Кайфань стоял в стороне, наблюдая за этим с улыбкой, не говоря ни слова. В то время они ещё учились в университете.

На самом деле Кайфань тогда не хотел так рано начинать жить вместе, но такие пары, как они, не могли открыто держаться за руки, им приходилось считаться с суровыми взглядами

общества.

Чжун Кайфань с детства копил деньги, поэтому просто переехал из общежития.

А Юань время от времени подрабатывал модельными съёмками, и, по крайней мере, в финансовом плане у них не было проблем. Кроме того, узнав об их отношениях, тётя Сун тоже закрыла на это глаза. Правда, А Юань всё же получил несколько ударов полотенцем, но гнев никогда не направлялся на Кайфана. Если честно, тётя Сун была прекрасной матерью.

Получив удары, А Юань, естественно, пошёл искать справедливости у Чжун Кайфана, словно наглея ещё больше.

Чжун Кайфань слегка потянул его за щёку:

— Ну и что, ты хочешь, чтобы я подписал «Неравноправный договор»?

— Ты что, ругаешь меня? Я что, один из одиннадцати империалистических держав? — А Юань, обняв подушку, сидел на диване, защищаясь, и сердито смотрел на него. — Я заметил, что ты всегда изворачиваешься, чтобы обругать меня, пользуясь тем, что я мало читал?

Чжун Кайфань, пивший воду, чуть не поперхнулся, с невинным видом:

— Когда я тебя обижал?

А Юань с уверенностью сказал:

— Меня мама побила, разве ты не должен мне компенсировать?

— Компенсировать?..

— Фальшиво!

Позже Чжун Кайфань, не выдержав, с терпением протянул:

— Ладно, я уступлю территории и заплачу контрибуцию...

А Юань бросил в него подушку:

— Говори нормально!

В итоге Кайфань целый месяц вставал рано, готовя завтрак, и ещё месяц чистил обувь. А Юань до сих пор вспоминает это с гордостью, думая: «Чжун Кайфань, такой изысканный человек, привыкший командовать, чьи руки в будущем должны держать скальпель, теперь вынужден чистить обувь. Как приятно!»

Заметив, что А Юань задумался, Кайфань не удержался и поцеловал его брови:

— О чём думаешь?

А Юань коснулся подбородка Кайфана, ощущая лёгкую щетину. Воспоминания о прошлом были так ясны, и, вспоминая лицо Чжун Цаня, он осторожно спросил:

— Кайфань, где могила Чжун Цаня? Я хочу её посетить.

Услышав о Чжун Цане, Кайфань тоже почувствовал тяжесть на душе. Он похлопал его по спине:

— Моя мачеха не позволяет мне посещать её, говорит, что кремировала. Я всё это время ношу с собой фотографию Чжун Цаня.

— Это... та комната, да? — А Юань указал в сторону внутренней комнаты. В прошлый раз он провёл на коленях перед фотографией Чжун Цаня почти всю ночь, а когда проснулся, обнаружил себя в постели, а Кайфана уже не было, но в воздухе витал сильный запах лекарств.

Он знал, что Кайфань всё же не смог оставить его и намазал ему колени.

Чжун Кайфань слегка кивнул, но всё же чувствовал вину:

— А Юань, я не должен был заставлять тебя стоять на коленях...

Он тоже был жертвой той аварии, и, более того, он вошёл в шоу-бизнес не ради славы, а чтобы собрать деньги на лечение тёти.

При этой мысли сердце Кайфана сжалось. Когда они были вместе, он никогда не говорил А Юаню резких слов, кроме случаев, когда они ссорились.

А тогда он схватил его за воротник, ударил по коленям и заставил стоять на коленях, чтобы он подумал. Его сердце разрывалось от боли.

А Юань прижался к его груди, слыша его сильное сердцебиение, и с раздражением сказал:

— Даже если ты узнал правду, тебе всё равно нужно было выплеснуть злость, и, как всегда, я оказался жертвой. Я ведь тебя знаю. — Затем, с насмешкой, положил подбородок на ключицу Кайфана и пробормотал:

— Фу, лицемер.

Кайфань чуть не рассмеялся, чувствуя, что А Юань, кажется, прав. В его сердце поднялись сложные эмоции, глаза невольно покраснели, дыхание стало горячим. Кайфань погладил его лицо:

— Кто тебе велел спорить со мной?

— Вам, чиновникам, можно всё, а нам, простым людям, нельзя! — тяжело дыша, сказал А Юань.

Чжун Кайфань рассмеялся:

— Раньше я не замечал, что ты злопамятный.

А Юань ответил:

— Я всё записываю, у меня есть тетрадь, где я пишу о твоих плохих поступках!

Чжун Кайфань не смог сдержать улыбки, потянув его за ухо:

— Значит, я, получается, непростимый грешник?

<http://bllate.org/book/16849/1550921>